

Susanna SHENDEROVICH The Komsomol and Youth Ensemble of the Leningrad Conservatory

(A fragment from memoirs)

Сусанна ШЕНДЕРОВИЧ Комсомольско-молодежный ансамбль Ленинградской консерватории

(из воспоминаний)

Накануне юбилея Санкт-Петербургской консерватории к профессору С.М. Мальцеву обратилась С.С. Шендерович с предложением передать в журнал материалы мемуарного характера о годах, связанных с *alma mater*.

Сусанна Семеновна Шендерович (Сапожникова) — скрипачка, воспитанница консерватории, супруга выдающегося музыканта, преподавателя Ленинградской и Московской консерваторий, а также Музыкальных академий Иерусалима и Тель-Авива Евгения Михайловича Шендеровича¹. В числе любезно предоставленных С.С. Шендерович материалов — данный очерк, содержащий небольшое описание запомнившихся эпизодов тех, уже далеких военных лет².

Сусанна Шендерович (Сапожникова)

«Мои непутёвые заметки»

«Воспоминания — это одежды,
которые от времени не изнашиваются»

Уоллес Стивенс³

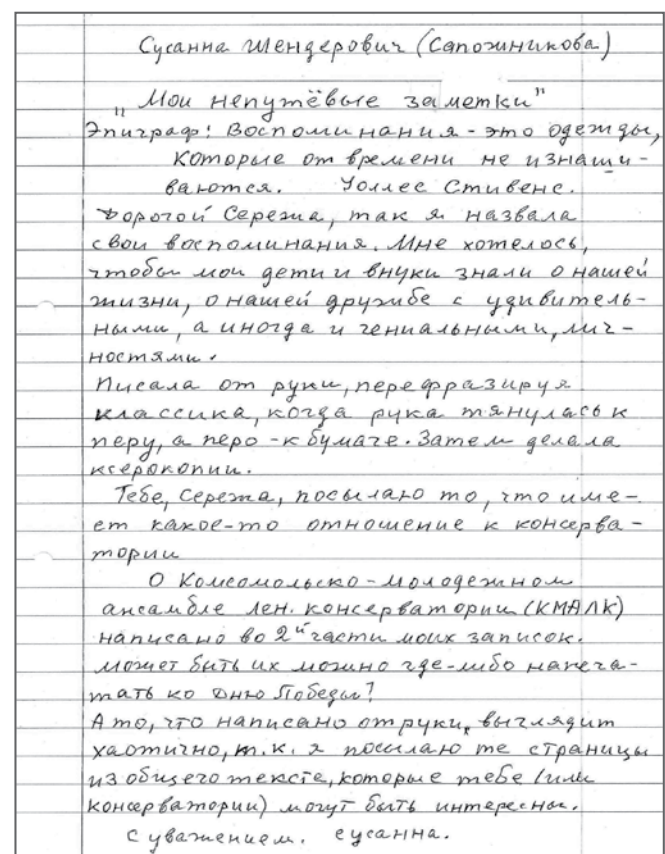
Дорогой Сережа⁴,
так я назвала свои воспоминания. Мне хотелось, чтобы мои дети и внуки знали о нашей жизни, о нашей

A fragment from memoirs by Susanna Shenderovich (Sapozhnikova) devoted to the period of evacuation of the Leningrad Conservatory (1941–1944). The text of the fragment includes valuable information about the performance of Shostakovich's Seventh Symphony in Tashkent in 1942 and about the Komsomol and Youth Ensemble of the Conservatory that gave concerts of classical music at the military units and hospitals in the war years.

Key words: Leningrad Conservatory, evacuation, Dmitry Shostakovich, Evgeny Shenderovich.

Фрагмент воспоминаний Сусанны Семеновны Шендерович (Сапожниковой) об эвакуации Ленинградской консерватории, в частности, об исполнении Седьмой симфонии Шостаковича в 1942 году в Ташкенте симфоническим оркестром консерватории, и деятельности комсомольско-молодежного ансамбля, который в годы войны исполнял классическую музыку в госпиталях и воинских частях.

Ключевые слова: Ленинградская консерватория, эвакуация, Д. Д. Шостакович, Е. М. Шендерович.

¹ Е. М. Шендеровичу посвящен интернет-сайт: <http://www.jerusalem-korczak-home.com/shen/shen.html>. В Санкт-Петербургской консерватории в 2003 г. выпускницей историко-теоретического факультета Л. В. Богдановой была защищена дипломная работа «Е. М. Шендерович. Личность. Музыкант. Редактор» (н/р — проф. Э. С. Барутчева).

² Фрагменты текста представлены на сайте: <http://www.epochtimes.ru/content/view/57246/54/>. К печати в настоящем номере журнала статья подготовлена З. М. Гусейновой.

³ Уоллес Стивенс (Wallace Stevens, 1879–1955) — американский поэт. Высказывание «Воспоминания — это волшебные одежды, которые от употребления не изнашиваются» принадлежит английскому писателю и поэту Роберту Льюису Стивенсону (Robert Lewis Balfour Stevenson, 1850–1894).

⁴ Обращение к Сергею Михайловичу Мальцеву.

дружбе с удивительными, а иногда и гениальными личностями.

Писала от руки, перефразируя классика, когда рука тянулась к перу, а перо — к бумаге⁵. Затем делала ксерокопии.

Тебе, Сережа, посылаю то, что имеет какое-то отношение к консерватории.

О Комсомольско-молодежном ансамбле Лен [инградской] консерватории (КМАЛК) написано во 2-й части моих записок. Может быть, их можно где-либо напечатать ко Дню Победы?

А то, что написано от руки, выглядит хаотично, т [ак] к [ак] я посылаю те страницы из общего текста, которые тебе (или консерватории) могут быть интересны.

С уважением
Сусанна.

**Комсомольско-молодежный ансамбль
Ленинградской консерватории**
(из воспоминаний)

Очень долго я не решалась написать о важнейшем периоде в моей (нашей) жизни.

В Ташкенте, куда была эвакуирована Ленинградская консерватория, быстро была налажена учебная и творческая жизнь: проходили концерты педагогов и студентов, ставились оперные спектакли в концертном исполнении⁶.

В 1942 году из города Куйбышева была доставлена партитура новой, Седьмой симфонии Д. Д. Шостаковича⁷ (её привез близкий друг Дмитрия Дмитриевича Исаак Давидович Гликман⁸). Симфонический оркестр профессоров, студентов консерватории и учеников Школы-десятилетки ежедневно репетировал новое произведение. Дирижировал прекрасный музыкант, дирижер и педагог Илья Мусин (его учениками были Димитриади, Темирканов, Гергиев и др.)⁹. Всем участникам репетиций ежедневно выдавали по два пирожка с пшенной кашей (их привозили на ишаке в специальном ящике).

Премьера симфонии прошла с огромным успехом. Мы были вторыми, кто исполнил это гениальное сочинение после премьеры в Куйбышеве. (В Куйбышев

был эвакуирован оркестр Ленинградской Филармонии. Дирижировал симфонией С. А. Самосуд)¹⁰. На память об этом событии у меня хранится ксерокопия брошюры (подлинник я передала жене композитора Ирине Антоновне Шостакович) с надписью:

*«Тов. Сапожниковой
На память о совместной работе в Узбекистане над
VII симфонией Дмитрия Шостаковича.
Директор (П. Серебряков)
Зам. директора по учебной работе (А. Островский)
Ташкент, июнь 1942 года»*

На премьеры симфонии была вся интеллигенция, эвакуированная в Ташкент, в том числе Фаина Раневская и Анна Ахматова. Об этом я узнала из книги Раневской, изданной в издательстве «Феникс» в 2001 году¹¹ (речь идет о случайной её встрече с Дмитрием Дмитриевичем). Вот цитата: «Я рассказала, как мы с Ахматовой слушали знаменитую „Ленинградку“ в Ташкенте в эвакуации, как дрожали обе, слушая его гениальную музыку. В ней было всё: было время наше, время войны, горя, бед. Мы плакали. Она (Анна Андреевна) плакала редко»¹².

Пребывание в Ташкенте великолепных педагогов и исполнителей повысило музыкальную культуру Узбекистана. Это знают и помнят по сей день.

В этот период в консерватории был создан Ансамбль для обслуживания госпиталей, воинских частей, строителей Северо-Ташкентского канала. Все концерты были шефскими. Среднеазиатский Военный Округ (САВО) оплачивал наши переезды из города в город, обеспечивал жилье и выдавал нам рейсовые хлебные карточки (хлеб можно было получить по талонам, и только по месту жительства; по рейсовым карточкам мы получали свои 400 граммов хлеба в любом городе — ведь мы были «в рейсе»).

Консерватория очень серьезно относилась к Ансамблю. Наши концертные программы принимал Художественный совет. Репертуар включал более ста (!) произведений: это была классика, сольные произведения для разных инструментов и, конечно, советские песни, которые появлялись во время войны. Инструментовки для нас делали видные музыканты (например,

⁵ Строка из стихотворения А. С. Пушкина «Осень»: «...И пальцы просятся к перу, перо к бумаге».

⁶ Об этом см.: М. О. Штейнберг: первый год в Ташкенте. Публикация З. М. Гусейновой // Opera musicologica. 2011. № 1 (7). С. 24–39.

⁷ Впоследствии Д. Д. Шостакович не раз общался с Е. М. Шендеровичем, высоко оценивая его мастерство. 12 февраля 1975 г. Шостакович писал: «Е. М. Шендеровичу свойственно глубокое проникновение в замысел композитора, безупречный вкус, тонкое ощущение стиля исполняемого произведения» (ГЦММК им. М. И. Глинки. Ф. 512. Ед. хр. 38).

⁸ Исаак Давыдович Гликман (1911–2003) — российский литературовед, либреттист, сценарист, профессор Санкт-Петербургской консерватории. См.: Письма другу: Письма Д. Д. Шостаковича к И. Д. Гликману / Сост. и коммент. И. Д. Гликмана. М.: ДСЧ; СПб.: Композитор, 1993.

⁹ Илья Александрович Мусин (1903–1999) — российский дирижер, музыкальный педагог и теоретик дирижирования, создатель ленинградской дирижерской школы. Народный артист РСФСР. Заслуженный артист Белорусской ССР. Заслуженный деятель искусств Узбекской ССР. Почетный член Королевской академии музыки в Лондоне. Преподавал в Ленинградской-Петербургской консерватории в 1932–1937 и 1941–1999 гг.

¹⁰ Подробнее об исполнении см.: Печейкин В. Шостакович и Ташкент // Uzbekistan Today. URL: http://www.ut.uz/rus/kultura/shostakovich_i_tashkent.mgr (дата обращения: 04.01.2013).

¹¹ Фаина Раневская на сцене и в жизни / Сост. Ю. Н. Амелин. Ростов-на-Дону: Феникс, 2001.

¹² Там же. С. 82.

М. О. Штейнберг¹³ /учитель Шостаковича/, Л. В. Николаев¹⁴ и др.). Но большинство инструментов принадлежало нашему дирижеру — Дмитрию Андреевичу Румшевичу¹⁵. Я занималась по специальности в его классе. Он и привел меня — еще школьницу — в студенческий Ансамбль в качестве альтистки. Женя Шендерович вспоминал, как Дмитрий Андреевич представил девочку с длинными косами Ансамблю, сказав: «Это Сусанночка Сапожникова, очень хорошая девочка. Прошу любить и жаловать». Женя, как выяснилось, понял последнюю фразу буквально.

Что же это был за Ансамбль? Десять человек составляли «оркестр» — по одному-два исполнителя каждого инструмента, и десять певиц и певцов — хор. Каждый из участников был солистом. Душой нашего коллектива был наш «бригадир» — скрипач и необыкновенно талантливый человек Исай Теслер¹⁶.

Но главным «оркестрантом» был Женя Шендерович. Ноты раздобыть было почти невозможно, и Женя играл большинство произведений на память: романсы, песни, инструментальные пьесы. Для Ансамбля Женя сочинил много песен. Концерты открывались очень торжественной «Песней нашего Ансамбля», а заканчивались песней И. Дунаевского, где были слова: «Нам ли стоять на месте...»¹⁷. Эти слова стали девизом Ансамбля; «Нам ли...» — говорили мы в критической ситуации!

Женины песни рождались по-разному. Иногда это было новое стихотворение, напечатанное в газете. А бывало и так: Женя рано утром уходил в тихое место, сочинял текст и музыку новой песни. Днем Дмитрий Андреевич её инструментовал, мы переписывали свои партии, затем репетиция, и вечером новая песня исполнялась в концерте.

Для выступлений нам сшили специальную форму: юношам комбинезоны, а девушкам платья из белого парашютного шелка. (Это платье было и моим свадебным).

Все ансамблисты были как близкие родственники. Атмосфера доброжелательности была постоянной; я не помню ни ссор, ни зависти. В Ансамбле были русские, евреи, белорусы, молдаване, эстонцы. Никто не спрашивал, какой ты национальности — все любили друг друга. Конечно, были флирты, влюбленности, но всё было целомудренно. Наша дружба сохранялась многие

годы, и три семейные «ансамблевые» пары прожили счастливую жизнь. Мы узнали друг друга в экстремальных ситуациях, где нельзя было «сыграть» любовь, порядочность, доброту.

Разумеется, за четыре года гастролей у нас было немало случаев, которые остались в памяти на всю жизнь. О них я и хочу рассказать.

Особенно волнующими были выступления в военных госпиталях для тяжелораненых. Мы ходили из палаты в палату и давали по 8–9 импровизированных концертов в день.

Никогда не забуду выступление в госпитале профессора Вл. Филатова — знаменитого офтальмолога из Одессы¹⁸. В этом госпитале лежали фронтовики с ранениями глаз. Некоторые слушатели сами приходили в зал, но многих привозили на каталках прямо из палаты. Концерт шел с большим успехом. Но когда мы видели слезы, текущие из незрячих глаз, у нас спирало дыхание и тоже хотелось плакать. Этого впечатления забыть нельзя!

По дороге на концерт нам пришлось пройти болото. Наша певица Маша Тоток¹⁹ упала, и никто этого не заметил. Хватились, когда её уже почти засосала топь. Слава Богу, вытащили — на сей раз обошлось.

Мы ехали поездом в город Сталинабад (Душанбе). Ночью лежали на голых полках, подложив под голову рюкзаки, и в обнимку с инструментами. Каково же было наше удивление, когда мы утром обнаружили, что наша обувь исчезла прямо с наших ног, а главное, исчез портфель с нотами. Это была катастрофа! Утром мы нашли в вагоне трубочку, через которую был пропущен усыпляющий газ (во время войны в Среднюю Азию, в теплые края, съехалось много воров и бандитов из разных городов).

А теперь представьте артистов концертной бригады, которые идут со скрипками и виолончелями в Дом Офицеров босиком! Рядом бежала ватага ребятишек, радостно кричавшая: «Цирк приехал!»

К вечернему концерту по распоряжению большого начальника нам выдали с военного склада брезентовые сапожки — ичиги. В них мы выходили на сцену, и вообще ходили.

Мы прибыли в Алма-Ату. Поселили нас, как обычно, на сцене зала, в котором мы выступали. За едой

¹³ Максимилиан Осеевич Штейнберг (1883–1946) — композитор, дирижер, педагог, музыкально-общественный деятель. Автор многих произведений в различных жанрах. В 1908–1946 преподавал в Петербургской-Ленинградской консерватории композицию и инструментовку. Зять Н. А. Римского-Корсакова.

¹⁴ Леонид Владимирович Николаев (1878–1942) — пианист, педагог, композитор. В 1909–1942 преподавал в Петербургской-Ленинградской консерватории, вел класс специального фортепиано.

¹⁵ Дмитрий Андреевич Румшевич (1908–1995) — педагог по классу скрипки и дирижер оркестра Школы-десятилетки. Окончил Ленинградскую консерваторию по классу скрипки в 1931 г., по классу дирижирования в 1943 г. (Сведения здесь и далее приводятся по документам Архива СПбГК).

¹⁶ Исай (Шая) Моисеевич Теслер (1915–?) — в 1942–1946 гг. учился в Ленинградской консерватории по классу скрипки. В архивном личном деле Теслера отмечено, что в те же годы он был руководителем комсомольско-молодежного ансамбля.

¹⁷ Песня И. О. Дунаевского «Марш энтузиастов» (сл. А. Д'Актиля).

¹⁸ Владимир Петрович Филатов (1875–1956) — выдающийся советский врач-офтальмолог.

¹⁹ Мария Григорьевна Тоток (1922–?) — певица, окончила Ленинградскую консерваторию в 1950 г. по классу С. В. Акимовой. В 1940 г. поступила в Музыкальное училище при консерватории и с 1941 г. была в эвакуации. В архивном личном деле Тоток отмечено, что в эти годы она выступала в составе комсомольско-молодежного ансамбля.

в воинскую часть отправлялись 2–3 человека с ведрами для супа и кастрюлями для второго (обычно в воинских частях нас кормили — это было большое счастье). Но я о другом.

Утром мы встали и собрались вокруг рояля, чтобы повторить сольные вещи. За роялем, конечно, был Шендерович. После репетиции до обеда нам деваться некуда — на дворе жара. Кто-то попросил: «Женя, поиграй нам что-нибудь, ну хотя бы из „Пиковой дамы“». Женя начал играть увертюру и подряд дальше — разумеется, без нот. Все тихонько подпевали. Когда же он дошел до сцены в спальне Графини (знаменитая ария Графини), из зала раздалось прекрасное меццо-сопрано. Мы вздрогнули от неожиданности и повернулись лицом к залу. По проходу к сцене шла уборщица с тряпкой в руках, и на прекрасном французском языке допела арию. Мы стояли потрясенные! Оказалось, что это — солистка крупного оперного театра. Они с мужем дирижером бежали из города, куда приближались немцы. По дороге они потеряли друг друга. Она чудом добралась до Алматы и устроилась уборщицей в Дом Офицеров. Где её муж и жив ли он, она не знает! Разве этот случай можно забыть!?

Был у нас переход через быструю горную реку Ангрэн. Шли, держа футляры с инструментами над головой, держась друг за друга одной рукой. Поток воды отрывал наши ноги от дна, и они попадали между ног идущего рядом (так чуть не унесло потоком двух наших музыкантов).

Еще случай: в каком-то колхозе, где мы тоже давали концерт, еды не было никакой, но нам выдали мешочек муки. Из нее можно было сделать оладьи. Сковороду нам дали. Масла не было совсем. Жарить «оладьи» нужно было на мангале, но где взять дрова? Ведь мы находились в пустыне! Но, как говорят, голь на выдумки хитра. В Красном уголке колхоза было несколько стульев. Решено было пустить их на дрова. Мы изображали «пение», а вернее, дикий крик. В это время наши мальчики ломали стулья. Затем «дрова» аккуратно укладывали в виолончельный футляр, и Любочка Буркун²⁰ гордо шла с «виолончелью» к мангалу. Мы сумели хоть немного поесть.

А в город Арысь, где размещалась особая лётная часть, мы ехали в кузове открытого грузовика по горной дороге. Слева — горы, справа — пропасть. Пыль была такая, что мы все были похожи на негативы. Проезжали «Тамерлановы ворота»²¹. Сверху спустился огромный орел, уселся на кабину грузовика, а затем воспарил. Всё это воспринималось как мираж.

Наконец, мы прибыли в расположение воинской части. Там находились летчики, которые уже воевали, были награждены боевыми орденами; были среди них даже дважды Герои Советского Союза. Начальником

части был легендарный Александр Беляков (знаменитые Чкалов, Байдуков, Беляков)²². Расположились мы, как обычно, на сцене Дома Офицеров. Женского туалета в этой воинской части не было. Наш бригадир обещал постоять «на шухере», пока мы сделаем свои дела в «чистом поле». На улице было темно. Только мы присели в своих белых платьях кружком, как раздался мужской кашель «Гхм, гхм»... Оказывается, в центре нашего кружка стоял часовой с ружьем.

Наш концерт имел бешеный успех. Нас, девочек, офицеры снимали со сцены на руках! А потом молодые красавцы в лётной форме и с орденами поднялись на сцену и захотели с нами потанцевать. Помню, как несколько певиц встали на колени, умоляя Женечку поиграть танцевальную музыку. Женя не мог отказать, и без конца играл вальсы, блюзы, танго, фокстроты... А после танцев немного влюбленные парочки пошли гулять по ночному парку (мой «кавалер» Коля рассказывал, что у него добрая мама, и мы с ней обязательно подружимся (!!!)).

Утром отходил наш поезд — мы ехали на следующий концерт. Каково же было наше изумление, когда на станции мы увидели «наших» лётчиков! Они вошли в вагон, проводили нас до следующей станции, а выйдя из вагона, дали залп из пистолетов в нашу честь.

Когда я, 16-летняя школьница, пришла в Ансамбль, на «пожилого» Женю Шендеровича, которому было уже 23 года, я внимания не обратила. Правда, меня всегда завораживала его игра. У меня в Ансамбле были свои «поклонники», а Женя уже был знаменитый пианист и знаменитый сердцеед. Куда уж мне! Наш роман созревал постепенно, но зато на всю жизнь. Это было ясно ансамблистам, и в трудных переходах ребята хором кричали: «Ну, веди нас, Сусанин!» Мы с Женей навсегда запомнили нашу поездку с Ансамблем в город Термез. Днем жара была адова. Кровати из так называемой гостиницы вынесли во двор. Если днем кто-либо прикасался к железной кровати — ожог был обеспечен. Вечером после концерта мы с Женей пошли в соседний парк. Ночь была волшебной. Небо — цвета черного бархата, усыпанного серебряными звездами. Казалось, что до них можно дотянуться рукой. Пьянящий воздух, а мы — пара влюбленных... И вдруг среди ночи откуда-то сверху (как выяснилось, из громкоговорителя) полились звуки Второго фортепианного концерта Рахманинова. Мы застыли на месте... Что это было — мистика, или знак свыше? Этот фортепианный концерт всегда был в репертуаре Жени, да и другие фортепианные пьесы и романсы он играл потрясающе. Друзья называли Женю «незаконнорождённый сын Рахманинова», его руки были похожи на руки композитора, и их снимали крупным планом на телевидении в передачах о Рахманинове.

²⁰ Л. Буркун — сведения не сохранились.

²¹ «Ворота Тамерлана» — проход в ущелье гор Нура-Тау, вдоль реки Санзар, по дороге из Ташкента в Самарканд.

²² В. П. Чкалов (1904–1938), Г. Ф. Байдуков (1907–1994), А. В. Беляков (1897–1982) — члены экипажа самолета АНТ-25, совершившего 18–20 июня 1937 г. впервые в мире беспосадочный перелет по маршруту Москва — Северный полюс — Ванкувер (США) протяженностью 8 504 км. Все трое были удостоены звания Героя Советского Союза.

Сколько эмоций мы пережили за одну ночь в Термезе!

И еще один случай, о котором я хочу рассказать. На какой-то железнодорожной станции нам предстояло провести неизвестно, сколько времени, пока какой-либо проходящий состав не согласится нас взять. Ни расписания, не билетов, конечно, не было. Дело было к ночи. Ночевали мы в тамбуре между дверями, которые выходили на перрон. Улеглись «валетом» на полу, поворачивались по команде одновременно, так как был заполнен каждый сантиметр.

Рано утром мы вышли на перрон, заполненный людьми. Мы надеялись на чудо, и оно свершилось! Вдруг проходящий мимо состав остановился на несколько минут. Мы бросились к вагонам. Офицер, стоявший в тамбуре, увидел молодых ребят с музыкальными инструментами. Он спросил, кто мы такие. Мы сказали, что мы студенты Ленинградской консерватории, и нам необходимо ехать в Ташкент. «А мы тоже ленинградцы. Быстро забирайтесь в вагон!» Это был санитарный эшелон, который перевозил раненых с фронта в тыловые госпитали. Сейчас он снова едет на фронт, а обслуживали этот эшелон ленинградские военные врачи.

Нас устроили на сидения, и — о, счастье — накормили горячим борщом (его особый вкус я помню до сих пор). Ну, а в благодарность за гостеприимство мы тут же в вагоне дали концерт для врачей. Наш дирижер Дмитрий Андреевич стоял на полке: одной рукой он дирижировал, а второй крепко держался, так как вагон сильно качало.

За три с половиной военных года наш Ансамбль дал 1 500 концертов! У нашего бригадира всегда была книга отзывов, в которые слушатели писали трогательные и возвышенные слова благодарности. Здесь были отзывы от генералов, высоких чинов, врачей госпиталей.

Не обходилось и без юмора. Министр сельского хозяйства Узбекистана Иса Мухаммедов адресовал свой отзыв «директору Ленинградской санатории имени товарища Римского-Корсакова».

Осенью 1944 года мы возвратились в Ленинград. Наш последний концерт состоялся на Исаакиевской площади в день Победы 9 мая 1945 года. Около Мариинского дворца построили эстраду, площадь была заполнена восторженными людьми, а затем был салют! Нам казалось, что путь нашего Ансамбля завершился.

Я написала, что состоялся наш последний концерт. Но 20 лет спустя ко дню Победы мы снова собрались, чтобы выступить в Малом зале Ленинградской консерватории. Мы уже давно закончили учебу и работали в театрах и оркестрах разных городов. Однако, на праздничный концерт приехали почти все участники Ансамбля. Наши встречи невозможно описать! Репетировали в большом классе, вспоминая слова песен, забытые за 20 лет. Я уже давно не играла, но ради такого события усердно занималась и участвовала во всех репетициях и в концерте.

Наш концерт в двух отделениях прошел 9 мая 1965 года в переполненном зале. Пели песни военных лет, вспомнили наш старый репертуар. Слушатели в зале плакали и устроили нам овацию. Концертов у нас больше не было, но мы, участники Ансамбля, встречались всегда как самые близкие друзья.

*Сколько б лет ни пролетело,
Сколько б гроз ни прогремело,
Будет вечно молодой
Наш Ансамбль боевой!*

Иерусалим, январь 2009

Подготовлено З. М. Гусейновой

Информация для авторов

К печати принимаются ранее не публиковавшиеся материалы. Тексты предоставляются в редакцию в электронном виде (на стандартных цифровых носителях: CD-R, CD-RW, DVD-R, DVD-RW или flash-носителях) с приложением распечатки в 1 экз. (текст печатается с одной стороны листа форматом А4, страницы нумеруются), либо присылаются по электронной почте (musicus_cons@mail.ru). К тексту статьи должны прилагаться аннотация и список ключевых слов на русском и английском языках. Сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы/учебы, ученое звание, должность; телефон, адрес электронной почты предоставляются на русском и английском языках. Публикация рукописей аспирантов осуществляется бесплатно.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА

Объем статей не должен превышать 0,5–0,7 п.л. (20000–28000 знаков) в редакторе Microsoft Word. Текст не форматируется, то есть не имеет табуляций, колонок и т. д. **Кегль** в основном тексте — 12, в сносках — 10. **Межстрочный интервал** — полutorный. **Абзацы** отмечаются отступом в 1 см (но не с помощью табуляции или пробелов), интервал между абзацами — обычный. **Шрифтовые выделения** — курсив, жирный, жирный курсив. **Кавычки** — типографские «», внутри цитат — обычные „“. **Нотные примеры** — в формате *.mus, набранные в нотном редакторе Finale, или *.tif. Нумерация примеров внутри статьи — сквозная. В тексте ссылка на нотный пример выделяется курсивом в круглых скобках: (пример 5). **Сноски** — постраничные. **Список литературы** составляется в алфавитном порядке и дается в конце статьи. **Ссылки** на литературу в тексте отмечаются порядковыми цифрами в квадратных скобках по образцу: [1, с. 29]. **Сокращения** должны быть расшифрованы и поданы отдельным списком в конце статьи. **Иллюстрации** (фотографии) и нотные примеры формата *.tif принимаются на стандартных цифровых носителях (CD-R, CD-RW, DVD-R, DVD-RW или flash-носителях; разрешение 600 точек на дюйм (сканировать необходимо в натуральную величину)). Следует указать: автора, название публикации, порядковый номер фотографии/рисунка. В перечне иллюстраций/нотных примеров следует указать: автора, название публикации, порядковый номер фотографии/рисунка/примера.